

Завершинская Людмила Александровна | ludmila.zaver@yandex.ru

Учитель русского языка и литературы
МАОУ г. Калининграда СОШ № 24
Калининград, Россия

Попытка постичь непостижимое. Опыт размышления над стихотворением Полины Барсковой «Счастье»

Аннотация. В статье представлен опыт целостного анализа поэтического текста современного поэта Полины Барсковой. На протяжении нескольких лет на всех этапах Всероссийской олимпиады школьников по литературе старшеклассникам предлагаются для аналитической творческой работы помимо прозаических произведений довольно сложные стихотворные тексты. Как показывает практика автора статьи и его знакомство с олимпиадными работами разных уровней, большинство участников олимпиады не справляются с анализом подобного рода поэтических произведений. Эта проблема стоит и перед словесниками, готовящими учащихся к олимпиаде.

Выход из создавшейся проблемной ситуации автор статьи видит в том, чтобы, опираясь на опыт и методики известных отечественных филологов М. Л. Гаспарова, Е. Г. Эткинда, М. О. Гершензона, Т. Г. Кучиной и других исследователей поэтического слова, учитель литературы сам включился в работу по созданию аналитических текстов, исследующих сложные поэтические произведения, а затем,

обретая практический опыт такого исследования, передал его своим ученикам.

Ключевые слова: всероссийская олимпиада школьников, анализ поэтического текста, личный учительский опыт.

Важно, чтобы анализ текста приводил ученика-читателя к главному — пониманию автора, смысла его высказывания, его позиции, способов, которыми он эту позицию выразил. Анализ текста проводится учеником для того, чтобы уточнить первичное понимание, увидеть произведение как целостное единство элементов, несущее в себе смысл — и на основе этого нового видения и понимания вступить в диалог с автором произведения.

(Из «Методических рекомендаций по проведению школьного и муниципального этапов всероссийской олимпиады школьников по литературе в 2019/2020 учебном году» [6, с. 18]).

На разных этапах всероссийской олимпиады школьников (далее — ВсОШ) по литературе старшеклассникам для

аналитической работы предлагаются на выбор два текста: прозаический и поэтический. Как показывает анализ олимпиадных работ призеров и победителей заключительного этапа, преимущество у тех, кто выбирает прозу. Так, работы московских школьников Даниила Романова и Батсион Исаковой, победителей заключительного этапа ВСОШ 2019 года, анализировавших рассказ Даниила Гранина «До поезда оставалось три часа», были оценены соответственно 67 и 65 баллами из 70 возможных. Эти участники олимпиады, предпочтя прозу, за пять часов первого тура написали убедительные работы и заняли первое и второе места в рейтинге участников заключительного этапа олимпиады по литературе среди одиннадцатиклассников.

Похожую картину мы наблюдаем и на школьном этапе олимпиады в Калининграде. Стихи Сергея Гандлевского или Беллы Ахмадулиной после неоднократного их прочтения и некоторого размышления отодвигаются в сторону. Ребята берутся за прозу: им она кажется понятнее. А если они и делают попытку исследовать поэтический текст, получается это у них, на наш взгляд, не очень убедительно.

Мы внимательно прочли доступные для чтения анализы стихотворений призеров и победителей ВСОШ, с тем чтобы, опираясь на образцы, выработать методы подготовки наших учеников к выполнению такого рода заданий, и пришли к неутешительному выводу: в большинстве случаев эти работы не приближают

читателя к пониманию сути анализируемых поэтических текстов. Довольно часто, стараясь произвести приятное впечатление на членов жюри и продемонстрировать свою эрудицию, участники олимпиады загромождают анализ всевозможными, иногда труднопроизносимыми названиями тропов, фигур речи и, хотя временами приближаются в своих размышлениях к сути поэтического текста, часто многословным умствованием маскируют непонимание авторской идеи.

Как нам известно, проблема возникает и у учителей, проверяющих олимпиадные работы школьного и муниципального этапов, ибо с анализом такого рода стихотворений школьный учитель встречается не часто. А при проверке, которая осуществляется сразу же после окончания олимпиады, он должен в течение короткого промежутка времени понять суть нового для себя и непростого для осмысления поэтического произведения и затем адекватно оценить работы участников олимпиады. Решение проблемы мы видим в обретении учителем самостоятельного практического опыта исследования подобного рода поэтических текстов.

Стихотворение «Счастье» [1, с. 7-8] Полины Барсковой было предложено для анализа участникам заключительного этапа олимпиады по литературе, проходившего в Калининграде в 2019 году. Оно и стало объектом нашего пристального внимания. Нами была сделана попытка посмотреть на это произведение как на «целостное единство элементов,

несущее в себе смысл» [Цит. по: 7, с. 18] и, основываясь на этом новом видении и понимании, «вступить в диалог с автором произведения» [Там же], на что и ориентируют участников олимпиады в своих методических рекомендациях ее организаторы.

Учителю, имеющему дело в основном с поэтическими текстами, неоднократно и всесторонне проанализированными литературоведами, непросто было взяться за исследование стихотворения, неизвестного широкой читательской аудитории, о котором нет даже скупых отзывов у специалистов-филологов. Но то же обстоятельство послужило для нас и стимулом изучить труды Михаила Осиповича Гершензона, Михаила Леонтьевича Гаспарова, Ефима Григорьевича Эткинда, посвященные исследованию поэтических текстов, вникнуть в суть лекции «Алгоритмы анализа и интерпретации поэтического текста» [6] современного профессора-филолога Татьяны Геннадьевны Кучиной, заставило многократно про себя и вслух перечитать текст стихотворения Полины Барсковой.

Счастье

Душа хотела б быть горшком,
Вернее тем, что станет скоро
Горшком, — полешком, кочешком
Кроваво-бурой глины. Свора
Взбешенных пальцев глину — хватить!
И — раз! на колесо, на дыбу,
И начинает рвать и мять
Неподдающуюся глыбу.
Но, сжалившись или смекнув,
Что прыник действенней, чем кнут,

Подносит к гордой глине губку.
Сочится мутная вода,
И глина поддается: «Да...» —
В ладони, словно в мясорубку,
Вползая. Чавкает педаль,
Глаза закрыты. Под руками
Живая, теплая печаль
Отдавшейся насилью ткани.
Но я не доктор Борменталь
И даже не Мария Шелли.
О палаче иль акушере
Речь не идет. Гончар — тире —
Гончар и есть. Он только руки.
Он существует только в круге
Вертящемся. И в букваре
Не ходит дальше хмурой Буки.
Ему не нужен властный Ведь,
Не говоря уж о Глаголе.
Круг будет гнать, дышать, вертеть
Гончар, послушен низшей воле
Ножного привода. Гончар,
Как нелюбимый, но влюбленный,
Посредством примитивных чар
Вторгается в тугой, укромный,
Еще насмешливый комок,
И тот, за кругом круг, помалу,
Доверившись его обману,
Преображается в горшок.
Движенье лески — завтра в печь
Горшок отправится, как отрок.
И станет — Космос, то есть Вещь,
Полезная для злых и добрых.

Сначала в нашем первом рукописном черновике появилось то, что можно назвать первичным пониманием текста и что в процессе анализа предполагалось уточнить: «Счастье — смирение гордыни перед обстоятельствами внешней жизни в процессе превращения некогда

горделиво-насмешливой субстанции в нечто простое, полезное для всех и бесконечно совершенное». Потом были и другие рукописные и печатные варианты черновиков. И, несмотря на то что и по сей день мы не можем с уверенностью утверждать, что нам удалось «дойти до самой сути» [Цит. по: 8, с. 87] этого поэтического текста, приобретенный опыт кажется нам очень важным и очень полезным.

Стихотворение «Счастье» Полины Барсковой — *развернутая метафора*. Повествование о том, как кусок глины под руками гончара превращается в горшок. Здесь два героя: ремесленник-гончар и «полешек, кочешок» «кроваво-бурой глины». И если глина — это душа, пожелавшая преобразования в Вещь, способную приносить пользу всем и каждому, то кто же тогда гончар?

В поэзии тот, кто вылепливает из глины, создает форму, чаще всего — Бог. Это нам памятно и из Библии — высшего поэтического текста («И создал Господь Бог человека из праха земного...» [Цит. по: 2, с. 6. Быт 2, 7]), и из цветаевского «Кто создан из камня, кто создан из глины...» [Цит. по: 10, с. 133-134]. В вылепленную Создателем форму помещается Им содержимое — душа. Она временами болит, временами поет, временами томится, а временами чего-то просит. В общем, живет. Живет в надежде на счастье. Душа *лирической героини* Полины Барсковой, мечтающая о счастье, претерпевает, в мечтах же, перевоплощение: руки гончара глину превращают в незамысловатый сосуд, полезный «для злых и добрых» — для всех.

Присмотримся к гончару. Прежде всего, бросается в глаза приземленность этого образа. Он лишь тот, кто «круг будет гнать, дышать, вертеть», послушный «нижней воле ножного привода». У него взбешенные пальцы. Взбешенные бесполезностью кочешка «кроваво-бурой глины», а после тем, что глиняная глыба смеет не поддаваться его воле, что она горда и насмешлива. Гончар энергичен. Гончар целеустремлен. Он своего добьется:

...сжалившись или смекнув,
Что пряник действенней, чем кнут,
Подносит к гордой глине губку.

Поэт предупреждает читателя: гончар — не палач и не акушер, хотя под руками его

Живая, теплая печаль
Отдавшейся насилью ткани.

Более того, поэт явно отказывает создателю души-горшка в духовном начале, низводя его образ до закрытых глаз, до рук, до ладоней, до пальцев. Гончар — что-то простое. Примитивное даже:

И в букваре
Не ходит дальше хмурой Буки.
Ему не нужен властный Ведь,
Не говоря уж о Глаголе.

Читая эти строчки, мы не можем не уловить насмешки над ограниченностью гончара, существующего «только в круге / Вертящемся». Школярскими «гнать, дышать, вертеть» поэт тоже иронично намекает на примитивность преобразователя

души-глины в душу-горшок. Все это вкуче с «примитивными чарами» и «обманом» не соотносится, на наш взгляд, с образом Создателя. С образом Того, Кто творит духовное, Кто является Отцом, и Сыном, и Духом Святым.

Видимо, преобразование души — тугого, укромного, насмешливого комка — удел другого гончара. Может, этот гончар — сама наша земная жизнь с ее горизонтальным коловращением будней, с ее заботами о хлебе насущном? Жизнь — грубый и настырный ремесленник, преобразующий наши гордые души, опрощающий их?

По названию стихотворения и по его содержанию видно, что лирическую героиню Полины Барсковой процесс преобразования души, несмотря на некоторую печаль, радует. Желание души оказаться кочешком глины в руках гончара — это, видимо, желание, чтобы ею, душою, кто-то занимался, избавляя от гордого одиночества. Именно в этом — счастье. В самом процессе преобразования, в процессе превращения души в нечто простое и бесконечно совершенное, как Космос.

Это не самый приятный процесс. Вспомним пушкинского «Пророка» с его «вырвал грешный мой язык» и «грудь рассек мечом» [Цит. по: 9, с. 385]. У Полины Барсковой гончар с глиной так же не церемонится, как и шестикрылый серафим с томимым духовной жаждою лирическим героем Пушкина:

Свора
Взбешенных пальцев глину — хватить!
И — раз! на колесо, на дыбу,
И начинает рвать и мять
Неподдающуюся глыбу.

Поэт погружает нас в этот процесс так, что у нас появляется возможность наблюдать преобразование глины-души и извне, и изнутри. И процесс этот не представляется нам кощунством. Наоборот, мы понимаем, что такое преобразование необходимо глине-душе. Душа, как и глина, — женского рода, гончар — мужского. В терпеливом смирении перед примитивностью чар нелюбимого, но влюбленного, в живой и теплой печали о том, что обратного пути нет, мы чувствуем тихую радость души, обретающей свою истинную сущность.

Да, гончар — не палач. Он не убивает душу. Но и не акушер. Он не помогает рождению новой души. Гончар преобразует душу, трансформирует ее, переформатирует. Не случайно в тексте Полины Барсковой появляются *реминисценции*: имена героя «Собачьего сердца» Михаила Булгакова доктора Борменталья и английской писательницы Марии Шелли, герой книги которой («Франкенштейн») колдовал над созданием человека. Здесь впервые поэт заявляет о себе как о том человеке, чьей творческой волей затеяна и осуществляется воображаемая метаморфоза:

Но я не доктор Борменталь
И даже не Мария Шелли.

Гончар Полины Барсковой не посягает на миссию Создателя. У него — своя миссия. Она предельно проста: подвергая болезненным испытаниям бесполезный кочешок глины-души, обманывая его, жалея, втираясь к нему в доверие, превратить в полезный для всех горшок-душу. Похоже на то, что гончар — это жизнь. Самая обычная, будничная жизнь, обнадеживающая временами, а временами вызывающая досаду из-за того, что подвергает нас испытаниям. Может, руки гончара-жизни, по воле Бога смиряя нашу гордыню, создают простоту и доброту наших душ, делают их полезными. Нужными. В таких душах всегда есть «надоба» [10, с. 248]. Мы можем быть и добрыми, и злыми. Кто реже, кто чаще. И злоба эта, видимо, из-за несмирности с судьбой, от претензий к судьбе. Но, как бы там ни было, каждый из нас, особенно в состоянии озлобления или будучи обиженным, нуждается в человеке с душой-горшком. В человеке, многое испытавшем, а значит, понимающем, сочувствующем, добром. В таком, например, как Платон Каратаев у Льва Толстого.

Появление *славянизмов* «печь» (печь) и «отрок» (подросток) в финале воображаемой *лирической героиней* картины преобразования «полешка, кочешка» глины в сырой, еще не обожженный горшок:

Движенье лески — завтра в печь
Горшок отправится, как отрок, —

возвышает процесс преобразования глины. Завтра, пройдя через огонь, душа созреет. И только после этого станет

Космосом — Вещью, полезной «для злых и добрых» [Цит. по: 2, с. 6. Быт 2, 7]). Лишившись самомнения, гордыни, будет служить и тем, и другим.

Судя по всему, счастье, по Барсковой, в ощущении преображения души «под бурями судьбы жестокой» [Цит. по: 9, с. 232]. Вертя свой круг по горизонтали, гончар — земная жизнь — выстраивает нашу душу по вертикали. Приводит ее в порядок (первоначальное значение греческого слова «космос» — это «порядок»).

Наши ученики редко придают значение форме поэтического текста. А ведь, по мнению Михаила Осиповича Гершензона, в искусстве «в отличие от мира вещественного, внешняя прелесть есть безошибочный признак внутренней правды и силы» [Цит. по: 5, с. 19].

«Счастье» написано *четырёхстопным ямбом с пиррихией*. С хореем в первой стопе 29 стиха. Такая ритмика создает впечатление равномерно вертящегося гончарного круга, движение которого временами замедляется. Замедление, вероятно, возникает благодаря *пиррихию* (стопе, содержащей нулевое ударение). Особенно оно ощущается в 9, 23, 32, 28, 38 стихах. В этом — и ритм гончарного круга, не всегда идеально ровный, и ритм земной жизни то со спокойным, размеренным течением, то с ускорением. Ощущение неровности течения жизни возникает, видимо, и оттого, что строк с пиррихией (одним или двумя) в стихотворении больше, чем без него.

В сложной организации рифмовки поэтического текста мы улавливаем неровную мелодию земной жизни человека. *Перекрестная рифмовка*, создающая основной ритм, время от времени перебивается *рифмовкой смежной* («смекнув» — «чем кнут») и *опоясывающей* («комок» — «помалу» — «обману» — «горшок»). Да и в 19-26 стихах («Борменталь» — «Шелли» — «акушере» — «тире» — «руки» — «в круге» — «букваре» — «Буки») мы тоже ощущаем сбой основного ритма. Возможно, что и *неточная рифма* («руки» — «в круге») способствует этому.

Выразительность звукового образа усиливает *аллитерация* (повторение одинаковых или однородных согласных в стихотворении): повторы шипящих и свистящих звуков [ш], [ж], [щ], [ч], [з], [с]: «горшком», «кочешком», «взбешенных», «неподдающуюся», «сжалившись», «чавкает», «печаль», «о палаче», «Шелли», «акушере», «вползая», «глаза закрыты», «смекнув», «сочится». Благодаря этому мы как бы слышим шуршание вращающегося гончарного круга, чавканье мокрой глины в руках гончара. Повторение взрывных твердых звуков [р] и [г] в словах «рвать», «гордой», «гончар», «горшок», похоже, ненавязчиво передает твердое намерение, решительность гончара довести начатое дело до конца. Ассонанс же (повторы гласных [а] и [о]): «душ[а]», «с[а]чи[цца]», «в[а]д[а]» и «г[а]ршк[о]м», «туг[о]й», «укр[о]мный», «г[а]рш[о]к», «[о]тр[а]к», «К[о]см[а]с», «д[о]брых» — наводит на мысли о чередовании периодов свободного вращения гончарного круга — [а] и моментов

ускорения движения посредством нажатия на педаль ножного привода — [о].

Динамика движения создается и другими художественными приемами, выбранными Полиной Барсковой для воплощения идеи, какой она нам видится: счастье — в мучительном процессе преображения души.

Прежде всего, это *переносы (анжамбе-маны)*, создающие эффект непрерывного движения гончарного круга:

В ладони, словно в мясорубку,
Вползая.

Или:

Он существует только в круге
Вертящемся.

Однородные члены предложения, уточняющие оттенки того, о чем рассказывает и что описывает автор, позволяют нам ярко представить процесс создания горшка: «горшком, полешком, кочешком», «на колесо, на дыбу», «но сжалившись или смекнув», «живая, теплая печаль», «не доктор Борменталь и даже не Мария Шелли», «о палаче иль акушере», «гнать, дышать, вертеть», «как нелюбимый, но влюбленный», «тугой, укромный / Еще насмешливый комок», «для злых и добрых».

Лексические и морфемные повторы тоже создают иллюзию коловращения («горшком» — «горшком»; «горшок» — «горшок»; «за кругом» — «круг»; «руками» — «руки»; слово «гончар» повторяется четырежды).

Экспрессия преобразующейся глины и преобразующего ее гончара передается сочетанием коротких и длинных предложений. Причем длинные преобладают: «*Душа хотела б быть горшком, / Вернее тем, что скоро станет / Горшком, — полешком, кочешком кроваво-бурой глины*»; «*Свора / Взбешенных пальцев глину — хватать!*»; «*Сочится мутная вода, / И глина поддается: «Да...» - / в ладони, словно в мясорубку, / Вползая*»; «*Чавкает педаль, глаза закрыты*». В середине текста — восемь простых коротких предложений. В них речь идет о гончаре, который «гончар и есть». Все тут предельно просто и приземленно: внизу ножной привод с педалью — вверху «только руки». Самое длинное из пятнадцати предложений — тринадцатое. Более чем на восемь строк распространяется оно, сложносочиненное и осложненное, создающее эффект длительного вращения.

Последний этап. Гончарный круг останавливается. На этом последнем этапе бессоюзное сложное предложение как бы разрезается *парцелляцией* — движением «лески» — на две части. Горшок готов. Почти готов. Завтра еще предстоит ему в «печи» испытание огнем, откуда он вернется легким, сухим, звонким, хрупким. Процесс преобразования глины завершится. Он, горшок,

...станет — Космос, то есть Вещь,
Полезная для злых и добрых.

Эти два последних стиха будто взмывают ввысь. Туда, где Космос и Вещь — с заглавной буквы. Туда, где Бог. Туда, откуда («на

всяком месте очи Господни» [Цит. по: 2, с. 606. Притч 15, 3]) все мы, злые и добрые, присмотрены. Гончар знает свое дело. Теперь горшок не полешек, не кочешок, не глыба. Он обрел простую и полезную для других форму. Продлится ли счастье, испытанное в процессе преобразования под руками ремесленника-жизни? Жизни земной, многотрудной?

Под целостным анализом текста организаторы ВСОШ понимают «не обязательный учет и скрупулезное описание всех его структурных уровней» [Цит. по: 7, с. 18], они рекомендуют сосредоточиться на тех аспектах текста, которые «в наибольшей степени работают на раскрытие заложенных в нем смыслов» [Там же]. Не всегда легко обнаруживаются эти аспекты в поэтических текстах, подобных исследуемому нами. В своей книге «Разговор о стихах» Ефим Эткинд, вспоминая строки Гоголя о пушкинской поэзии: «В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт» [Цит. по: 11, с. 29], пишет: «К таким стихам мы идем всю нашу жизнь и никогда не исчерпываем их содержания: “бездна пространства остается бездной”» [Цит. по: Там же. С. 34]. И в стихотворении «Счастье» Полины Барсковой нами исчерпано не все содержание. Но подобная неисчерпанность не должна нас смущать: дорогу осилит идущий. Без личного, пусть и несовершенного на первых порах, опыта исследования поэтического текста вряд ли можно подсказать ученику, дерзающему вступить на путь олимпиадного движения, надежную, проверенную тропу к олимпийским вершинам.

Список литературы

1. Барскова, П. Ю. Счастье [Электронный ресурс] / П. Ю. Барскова // Всероссийская олимпиада школьников по литературе. 2018-2019 учебный год. Заключительный этап. Первый тур. 11 класс. — С. 7-8. — URL: https://vos.olimpiada.ru/upload/files/Arhive_tasks/2018-19/final/litr/83-tasks-litr-11-tur1-final-18-9.pdf (дата обращения: 18.02.2020).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Российское Библейское Общество, 2000. — 1346 с.
3. Гаспаров, М. Л. Избранные труды. Том IV: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации / М. Л. Гаспаров. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 720 с.
4. Гаспаров, М. Л. «Снова тучи надо мною...» Методика анализа стихотворного текста / М. Л. Гаспаров // «Русская речь». — 1997. — № 1. — С. 9-20.
5. Гершензон, М. О. Скрижаль Пушкина / М. О. Гершензон. — М.: Вече, 2018. — 384 с.
6. Кучина, Т. Г. Алгоритмы анализа и интерпретации поэтического текста (на материале произведений С. Гандлевского, А. Цветкова, Т. Кибирова, Л. Лосева) [Электронный ресурс] / Т. Г. Кучина // Ассоциация «Гильдия словесников», 15 декабря 2017 года. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kvU9gAvmwWE> (дата обращения: 18.02.2020).
7. Методические рекомендации по проведению школьного и муниципального этапов всероссийской олимпиады школьников по литературе в 2019/2020 учебном году [Электронный ресурс]. — URL: <http://vsorosolymp.rudn.ru/mm/mpp/files/lit-sm-2020.pdf> (дата обращения: 18.02.2020).
8. Пастернак, Б. Л. Стихотворения и поэмы: в 2-х т. Т. 2 / Б. Л. Пастернак; сост., подг. текста и примеч. В. С. Бабаевского и Е. Б. Пастернака. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 368 с.
9. Пушкин, А. С. Сочинения: в 3-х т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма / А. С. Пушкин. — М.: Худож. лит., 1985. — 735 с.
10. Цветаева, М. И. Избранные сочинения: в 2-х т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения / М. И. Цветаева. — М.: «Литература», 1998. — 656 с.
11. Эткинд, Е. Г. Разговор о стихах / Е. Г. Эткинд; Фонд содействия развитию современной литературы «ЛЮДИ И КНИГИ». — СПб.: ГРИФ, 2019. — 416 с.

Ludmila A. Zavershinskaya

General Secondary School № 24
Kaliningrad, Russia

**Attempt to comprehend
incomprehensible.**

**An experience of reflection
on the verse "Happiness"
written by Polina Barskova**

Abstract. *The article presents an experience of the holistic analysis of a poetic text written by the contemporary poet Polina Barskova. For some years, senior pupils at all stages of All-Russian Literature Competition are given not only texts written in prose for the analytical creative work but also rather complicated materials expressed in verse. According to the experience of the article author, and the author's familiarization with the competition essays of various levels, the majority of the competitors cannot manage the analysis of such poetic works. This problem is also faced by the literature teachers who assist schoolchildren to get prepared for the competition.*

The way out of the problematic situation arisen, as viewed by the article author, is that the literature teacher will be integrated into the work of creating analytical texts to research complicated texts in verse drawing on the experience and methods developed by Russian well-known philologists M. L. Gasparov, E. G. Etkind, M. O. Gershenzon, T. G. Kuchina and other researchers of the poetic word and then having gained the appropriate experience the teacher will transfer it to pupils.

Keywords: *All-Russian Competition for Schoolchildren, analysis of a poetic text, teacher's personal experience.*